

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В РУССКОЙ ХАРБИНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

The article devoted to the language of Russian emigration in the China on the XX century.

В Харбине, центре русской восточной эмиграции в XX в., на протяжении всего времени присутствия там русской диаспоры выходило большое количество периодических изданий. Так, по данным «Сводного каталога периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1996 гг.)» [1], в Харбине с начала его основания и до массового исхода русских из Маньчжурии выходило 154 названия русских газет и журналов, что свидетельствует о хорошей постановке журналистского дела в восточном зарубежье и о существовании в среде эмигрантов потребности в средствах массовой коммуникации, способствующих их объединению. По другим источникам, количество русских периодических изданий в Харбине за все время существования там русской колонии был большим – от 200 до 400 наименований [2; 3; 4; 5].

По своему языковому качеству периодика Харбина на протяжении всего периода ее существования была *неоднородной* и с ярко выраженной *динамикой*, что было непосредственно связано с изменениями социального фона.

В структуре массовой периодики русского восточного зарубежья содержались: 1) материалы политического характера о событиях в России и за рубежом в проекции на жизнь русской колонии в Китае; 2) материалы религиозного содержания; 3) материалы, посвященные экономике и культуре Китая, особенно Маньчжурии; 4) материалы о жизни русской колонии, в том числе культурной и спортивной; 5) рекламные материалы и объявления и др. Эти составляющие продиктованы потребностью в публичном освещении указанных сфер практической и духовной деятельности русской восточной эмиграции и характеризуют ее как открытое, толерантное к другим культурам, разносторонне образованное и деятельное сообщество. Разнообразная тематика материалов в периодических изданиях русского Харбина предопределяет взаимодействие различных типов дискурса в их текстовом пространстве, что позволяет характеризовать его как *полидискурсивное*.

В текстовом пространстве харбинской периодики находят свою реализацию различные типы дискурса, манифестируя значимые социальные институты. К числу таких дискурсов относятся общественно-политический, деловой, религиозный, педагогический, медицинский, рекламный, развлекательный, эстетический, спортивный, научный, юридический и др. На открытость этого списка и возможность его расширения обращал внимание В.И. Карасик, поскольку «общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа» [6, с. 10–11]. В рамках одного дискурса могут проявляться признаки другого – «транспонированные признаки», признаки «на чужой территории», которые способны существовать на фоне общедискурсивных характеристик, типичных для любого общения (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом) [там же, с. 12]. «Всякий дискурс, – отмечает И. В. Силантьев, – в силу того, что существует и функционирует в системе других дискурсов – отражает <...> другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах» [7, с. 35].

В дискурсивном поле харбинской периодики, наряду с общественно-политическим типом дискурса, наблюдалось присутствие религиозного, рекламного, делового, военного, сценического, медицинского, юридического, развлекательного и др. Перечисленные – не политические – типы дискурса в периодических изданиях русского Харбина доминировали и отличались консервативностью: они продолжали дореволюционную традицию, что нашло яркое отражение в их языковом воплощении. В этом смысле значительный интерес представляют послереволюционные харбинские газеты и журналы, в которых наблюдаются явные отличия от языка периодики в метрополии в тот же самый отрезок времени, а в ряде случаев – параллельное, независимое друг от друга языковое существование, демонстрирующее вариативность интерпретации одних и тех же фрагментов действительности.

Консервативные тенденции в языке русского восточного зарубежья проявились прежде всего в тех языковых сферах, которые оказались нетронутыми, неразрушенными в русском Харбине вследствие сохранности соответствующих общественных институтов и структур в дореволюционном состоянии: сфера религиозной коммуникации; официально-деловой коммуникации; образования и науки; культуры и досуга; рекламы; топонимии; бытовой, обиходно-разговорной речи. Соответствующие этим сферам типы дискурса являются показательными для анализа языковой динамики и языковой устойчивости в зарубежье.

Главным экстралингвистическим фактором, определяющим общую тональность русской периодики в зарубежье и метрополии в начальный послереволюционный период, был идеологический фактор, заключавшийся в проповедовании разных систем политических взглядов и идей. В восточном зарубежье к моменту Октября 1917 г. существовал уголок дореволюционной России со свойственной ей устройством жизни и быта, который после революции на родине в целом продолжал существовать по старым канонам. В то же самое время на родине – в Советской России – существовали уже иные идеалы и общественные ориентиры –

революционные, которые внедрялись в сознание людей и диктовали иное восприятие действительности через новую систему языковых средств (о языке революции см. работы С. Карцевского [8], А.М. Селищева [9] и др.).

Важнейшую роль в дореволюционной России играл институт Церкви. В восточном зарубежье поддержание религиозной традиции рассматривалось как необходимое условие национального сохранения. Религиозное мировоззрение отражалось в особом типе дискурса – религиозном.

Богослужение в православных храмах Харбина и по линии КВЖД осуществлялось на церковно-славянском языке, за исключением некоторых религиозных жанров (например, храмовой проповеди, исповеди), исполнявшихся на русском языке, в особом стиле, используемом в сфере богослужебного общения. В Харбине издавалась богословская литература, действовали богословские учебные заведения: начальное – Харбинская духовная семинария, высшее – Институт св. Владимира.

События православной жизни непременно освещались в массовых печатных изданиях русского Харбина на протяжении всей истории существования харбинской печати – до 50-х гг. XX в. Не встретилось ни одного номера газеты или журнала без информации по религиозной тематике. Взятые навскидку номера «Рубежа» за разные годы, а также номера других периодических изданий подтверждают это:

1930 г. – репортаж «Новоселье популярной школы: 2-я харбинская зубоветеринарная школа в новом помещении», где в первых строках сообщается о том, что *«прежде всего был отслужен молебен по случаю перехода. Служил его епископ Нестор Камчатский, в сослужении причта Иверской церкви. В прочувствованном слове после молебна епископ Нестор сказал о пользе зубоветеринарного лечения, о большой и полезной работе, которую ведет школа, о культурном ее значении и о симпатиях, которыми школа пользуется среди населения Харбина и т.д.»* [«Рубеж». № 11(112). 1930];

1936 г. – заметка «Новая обитель на чужбине» с фотографией, подписанной *«Епископ Ювеналий с о. Гавриилом освящают участок под будущий храм», где после цитаты «Вырастают храмы божие по лицу земли сырой»... говорится о том, что 29 марта 1929 г. в Какахаши, близ Дайрена, состоялась торжественная закладка храма женского монастыря. Освящение первого камня для закладки и места будущего монастыря совершил епископ Ювеналий в сослужении о. Гавриила из Дайрена и о. Георгия из Порт-Артура. Пел хор под управлением г. Унинского. Торжество собрало массу публики, – как жителей Какахаши, так и приехавших из Дайрена»* [«Рубеж». № 18 (431). 1936];

1940 г. – репортаж «Всеpravославная конференция в далекой Австралии», узкоспециальные вопросы которой, по мнению издателей «Рубежа», должны интересовать массового читателя: *«об отношении к требоисправлениям англиканским духовенством треб для православных», о допущении англиканского духовенства «к участию в нашем богослужении, в том числе и литургии, но без их участия в таинстве причащения, иначе говоря – допускать молитвенное общение, но не евхаристическое»* [«Рубеж». № 15 (636). 1940];

1942 г. – репортажная зарисовка «У ледяного креста: Русский Харбин снова справил свой праздник, сохраняя стародавние обычаи» о дне Крещения Господня: *«В бледно-голубом зимнем небе четко вырисовывается силуэт церковной колокольни, с которой льется торпливый, радостный трезвон. У церковной ограды чернеет огромная толпа, заливающая улицу. Над морем обнаженных голов колышется целый лес хоругвей. Холодное зимнее солнце играет на блестящих праздничных облачениях сонма духовенства, на ризах икон и крестах хоругвей. В морозном воздухе далеко разносятся звуки церковных песнопений. Хору вторят сотни голосов богомольцев. Крестный ход уже тронулся от Благовещенской церкви, направляясь к Сунгари»* [«Рубеж». № 5. 1942];

1946 г. – заметка «Как прошли рождественские праздники»: *«Рождественские праздники в этом году в Харбине прошли с большим оживлением и подъемом. В Рождественский Сочельник во всех храмах города были отслужены торжественные повечерия. В Сочельник же после вечерней звезды в большинстве русских домов были зажжены рождественские елки»* [«Русское слово». № 7(39). 1946].

Существовали в Харбине и специальные православные издания (например, духовно-нравственный православный журнал «Хлеб небесный», издававшийся при Казанско-Богородицком мужском монастыре в г. Харбине с 1926 г. по 1939 г.), целиком состоявшие из материалов религиозной тематики: рассказов о церковных праздниках, отрывков из богослужебных сочинений, религиозных стихов, биографий великих святителей, воспоминаний церковных деятелей и церковной хроники).

Не случайно приведены примеры из газет послереволюционного периода в Харбине – в это время в России настала эпоха атеизма, и религиозный дискурс приобрел внутриконтрессональный характер, тексты религиозной тематики не создавались с целью размещения в массовых периодических изданиях. По этой причине в языке метрополии перемещались в пассивный словарный фонд целые пласты высокой и религиозной лексики, продолжавшие оставаться актуальными и активно употребляемыми в языке восточной эмиграции. Укажем на широко употребляемые в периодике русского Харбина группы религиозной лексики:

названия церковных праздников, их действий, атрибутов и участников: *Рождество Господа Нашего Иисуса Христа, Рождество Христово, Крещение Господне, Богоявление, Пасха, крестный ход, богомольцы, хоругвь, хоругвеносец, Иордань, водосвятие, чин освящения воды, Богомладенец, Сочельник, рождественский и др.;*

названия духовных лиц и чинов, в том числе собирательные: *епископ, митрополит, архимандрит, владыка, иерей, священник, духовный сан, пастырь, законоучитель, протоиерей, настоятель, православное духовенство, архипастырский и др.;*

названия христианских богослужений, обрядов, таинств и их атрибутов: *молебен, треба, требоисправление, крещение, венчание, литургия, всенощная, причащение, тропарь, повечерие, сослужение, освящение, иконы, богослужение, благословить, молитвенный, евхаристический* и др.;

названия верующих и обращения к ним: *христианин, паства, возлюбленные во Христе братья, прихожане* и др.;

помещения для осуществления религиозной обрядности и обучения ей: *церковь, храм, монастырь, духовная академия* и др.

Высокая лексика, библейские именованья и цитаты органично вплеталась в религиозный дискурс восточного зарубежья начала и середины XX в., в том числе и в язык материалов на религиозные темы в периодических массовых изданиях русской эмиграции – например, *обитель, жертва, пожертвовать, чтимые, нести на главе, волхвы Вифлеема, мольба, умолять, возлюбленный, видение, благотворение, осенить, превосходить, воззвание, духовный, благая цель* и др.

Религиозный дискурс присутствовал в текстовом пространстве харбинской периодики не только посредством актуализации книжной и религиозной лексики. Своеобразие в синтаксисе, употребление нечастотных для светской речи грамматических форм, свойственных религиозным жанрам, наблюдаются при освещении жизни харбинской православной общины. Так, частотен императив с частицей *да* и обратный порядок слов: *«Ни один из нас да не встретит Великий Христов день без такой жертвы»; «Да благословит Господь всякую христианскую душу на дела благотворения, да осенит Он эту душу своим миром»; «Чудесного видения удостоились Вифлеемские пастухи в ночь Рождества Господа Иисуса Христа», «В Рождественский Сочельник во всех храмах города были отслужены торжественные повечерия»* и др.

Религиозное слово в русской периодике Харбина было представлено в текстах разных жанров. С одной стороны, это жанры религиозного дискурса, через которые Церковь в лице духовных чинов обращалась к своей пастве (приветствие, обращение, послание), с другой, – это жанры публицистики, через которые сообщалось о деятельности Церкви и всей православной общины (заметка, репортаж, лирический очерк и др.). В связи с этим отметим особую значимость религиозного слова, поддерживаемого в русском восточном зарубежье (и в русском зарубежье первой волны вообще) двусторонне: и Церковью, и всем харбинским православным приходом через публикации в массовых изданиях и потребностью с их помощью общаться духовно, приближаясь к Богу и высоко нравственным божественным заповедям. Духовный стержень в эмиграции в значительной степени крепился Церковью.

Такая дискурсивная переменная как адресант оказывается очень важной для религиозной коммуникации в газетно-журнальной периодике. Во-первых, данная переменная предопределяет выбор жанра: адресантом некоторых жанров (например, религиозного обращения) может быть только лицо духовного сана. Во-вторых, от адресанта зависит объем и частотность употребления характерных для религиозного дискурса языковых средств и их функциональная нагруженность. Так, речь представителей духовенства, выступавших в массовых харбинских изданиях в роли адресантов, изобилует религиозной и высокой лексикой, выполняющей как номинативную, так и оценочную функцию, и тяготеет к архаическим грамматическим формам и конструкциям. В то же время заметки, репортажи и другие материалы религиозной тематики, написанные светскими (не религиозными) сотрудниками редакций, религиозную лексику используют, как правило, в номинативных целях: для обозначения церковного сана, ритуала, праздника и т. п., синтаксис и грамматика этих жанров не архаизирована. Ср.: обращение епископа Дмитрия к пастве перед Рождеством с просьбой помочь нуждающимся, характерное для религиозного дискурса, с адресантом – духовным лицом: *«Всегда, во все века, наступающий великий праздник Рождество Христово призывал каждого добропорядочного христианина вступить в него с посильными дарами для Родившегося Богомладенца, в подражание волхвам Вифлеема, и главным образом – помощью в нужде меньшого во Христе брата. В частности, Серафимовская столовая призывала поделиться одеждой с бедняками. В наши дни прошу всех и умоляю: пожертвуйте, урежьте что-нибудь от себя. И в особенности обращаюсь с этой просьбой-мольбой к Вам, люди бережливые. Непременно хоть что-нибудь отделите, и дайте явно немущему. <...> Да, возлюбленные во Христе братья. Ни один из нас да не встретит Великий Христов день без такой жертвы. А мы, пастыри, должны это сделать – в первую очередь. «Блажен разумеваея на нища и убога – в день лют избавит его Господь». С любовью во Христе епископ Дмитрий»* [«Время». № 2. 1945] и фрагменты из репортажей «Новоселье популярной школы: 2-я харбинская зубоврачебная школа в новом помещении» [«Рубеж». № 11(112). 1930], «Все православная конференция в далекой Австралии» [Рубеж. № 15 (636). 1940] и заметок «Новая обитель на чужбине» [«Рубеж». № 18 (431). 1936], «Как прошли рождественские праздники»: [«Русское слово». № 7(39). 1946.], цитировавшихся выше и показывающих вкрапления характерных для религиозного дискурса языковых средств в жанры общественно-политического дискурса харбинской периодики с адресантом – не духовным лицом.

Традиция обязательного присутствия религиозного слова на страницах русской периодической печати сохранена в эмигрантских изданиях Австралии, куда реэмигрировала большая часть русского населения из Китая. То, что Церковь является неотъемлемой частью общественной жизни русских эмигрантов Австралии, доказывают и многочисленные публикации, описывающие общественные события в Австралии, на которых непременно присутствуют священнослужители, а также названия публикаций, характеризующие духовную устремленность русского общества зарубежья: «Русская школа им. Св. Андрея Боголюбского при Свято-Покровском храме Русской Православной Церкви Московского патриарха» (2004), «Дорога к храму» (2004), «Духовное состояние» (2002), «Встреча с иерархами Русской православной церкви» (2003), «Всех скорбящих

радость» (2003), «Престол Св. Покровского храма в Кабрамате»(2003), «Без бога нация – толпа» (2003), «Престольный праздник»(2003), «Освящение русского центра при университете Макуори» (2002) и др. [10, с. 110].

Полны материалами религиозной тематики и соответствующей лексики и просмотренные нами номера (№ 44 и № 48) русской еженедельной газеты «Единение» за 2004 г., выпускаемой в Гленфилде (Австралия) с 1949 г. См., например, № 48 газеты «Единение» от 3 декабря 2004 г., в которой на стр. 1, кроме прочего, помещено объявление о 40-м ежегодном съезде русской православной молодежи в Канберре, а также заметка «Помощь из Австралии» о паломниках в Россию, Белоруссию и Украину, в которой используется религиозная и высокая лексика, характеризующая православный аспект этого события (*батюшка* «священник», *миряне*, *православный, священник, жертвовател, пожертвование*). На стр. 2 – объявление о паломничестве в Святую Землю (соответственно используется лексика *Австралийско-Новозеландская Епархия, Русская Православная Церковь за границей, Богу угодно, с благословения Владыки, Вознесение Господне, пожертвование, монастырь, святыня, Храм Воскресения с Гробом Господнем, Гефсимания, Елеон, Иерусалим, Назарет, Вифлеем, Река Иордан, Назарет, Гора Фавор, Канна, Синайская Гора, Галилейское озеро, Мертвое Море, Красное Море*). На стр. 3 – продолжение дискуссии о взаимоотношениях Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом (соответствующая лексика *православный, Архиерейский собор, Митрополит, Патриарх, приступить к единой чаше Господней, старообрядчество, междусоборный период, Патриархат, патриархия, прославление св. Новомучеников и Исповедников, Церковь Христова, гонитель, покаяние, покаянное очищение, благодатная сила, Апостол, покаянные слезы, святая церковь, дерзновение, епископ, богоборцы, святитель, затворник, дух непрязненный, антихристский* и т.д.). На стр. 6 – статья «Престольный праздник в Архангело-Михайловском храме» (лексика *Ангел, Архистратиг, Литургия, Высокопреосвященство, архиепископ, протоиерей, протодьякон, регент, молитвенный, молящиеся, восстать, Вседержитель, Денница, низвержение, ратоборствовать, хоругвь* и др.) и т.д. На стр. 15-16 – расписание богослужений Славянской (Русской) церкви, реклама похоронных бюро с указанием на знание русского православного обряда и некрологи, в которых, «*преклоняясь перед волей божией*», сообщается о кончине близких с пожеланием *Царства небесного*.

Обращает на себя внимание и синтаксическое своеобразие представленных в указанном номере газеты текстов, обусловленное тематически: не прямой порядок слов, постпозитивные определения, архаические грамматические конструкции: «*процесс объединения во всем православном рассеянии и Отечестве нашем многообразно и разнообразно обсуждается в газетах и интернете*»; «*Мысль, внушенная Карповым М. Сергию в заточении, спасти церковь Христову в союзе с гонителями ея, послужила соблазном всему Православному Русскому народу*»; «*кто яко Бог?*»; «*для тех, кто украшается именем первого из Архангелов, всего приличнее отличать ревностью к славе Божией, верностью Царю Небесному и царям земным*» и др.

Особо подчеркнем, что приведенные выше материалы опубликованы не в религиозном издании, а в массовой эмигрантской еженедельной газете 2004 г. Как указывает А.Н. Анцыпова, «на страницах русской периодической печати Австралии авторы свободно, без каких-либо пояснений, пользуются церковной лексикой, о значении которой носитель русского языка метрополии может иметь лишь самое далекое представление» [10, с. 111].

Все это свидетельствует о высокой роли Церкви в жизни русских эмигрантов и об особой судьбе религиозной лексики в зарубежье: традиция использования этого лексического пласта в зарубежье, в частности в русских периодических изданиях эмиграции, не прерывалась в отличие от метрополии, где церковь и религия после 1917 г. были отлучены от государства и народа и где религиозное слово лишилось возможности быть публичным. «Оскудение языка в советской России связывалось с утратой многих нравственно-религиозных понятий (*милосердие, благочестие, боголепие...*); с исчезновением церковного богослужения «обесцветился» и разговорный язык, обогащенный отвлеченно-книжными понятиями», – отмечала Л.М. Грановская [11, с. 107]. Она указывала на то, что «ряд отвлеченных понятий нравственно-религиозного содержания жили в сознании верующих. Ослабление роли церкви отразилось на судьбе этого пласта слов» [12, с. 211].

В отличие от языка метрополии в языке русской восточной эмиграции и ее австралийском продолжении не происходило сокращения слов на *благо-*, *бого-*, «получивших в новых словарях помету *дорев.* и *ирон.* или изменивших свое значение» [там же, с. 224] и оставался актуальным библейский контекст: он, как и в западном зарубежье, «органично вошел в разные жанры и стили литературного языка русского Зарубежья, обогащенный новым и горьким житейским опытом «на реках вавилонских». Он неизменно присутствует в символизации политических реалий и житейских ситуаций» [там же, с. 225].

В метрополии лексика православия после Октябрьской революции из активно употребляемой перешла в пассивный запас русского языка более чем на семьдесят лет, после чего началось ее возрождение вместе с возрождением в России православных ценностей.

1. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1996 гг.) – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

2. Дяо Шаоуха Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае). Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) Сост. Дяо Шаоуха. – Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. – С. 175-214.

3. Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных харбинскими архивистами из Харбина в 1943 г. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 128 с.
4. Чжао Юнхуа. Три вида русской печати в Китае первой половины XX в. // Русское зарубежье: История и современность: Вестник. – 2004. – № 1. – С. 77 – 87.
5. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. – Владивосток: ДВГУ, 2002. – 360 с.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
7. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / отв. ред. В.Ф. Егоров. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – 188 с.
8. Карцевский С.И. Язык, война и революция. – Берлин: Русское универсальное изд-во, 1923. – 72 с.
9. Селищев А.М. Язык и революция: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) // Тр. по рус. яз. – Т. 1: Язык и общество / сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 47-279.
10. Анцыпова А.Н. Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. – Вып. 3: Формы существования современного русского языка. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 108-112.
11. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / отв. ред. М.В. Ляпон. – М.: ИРЯЗ, 1995. – 176 с.
12. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX – XX вв.: Очерки. – М.: ООО «Издательство Элпис», 2005. – 448 с.

